Вестник ПСТГУ.
Серия III: Филология.
2018. Вып. 57. С. 110–123
DOI: 10.15382/sturIII201857.110-123

Ферхеес Самира,
стажер-исследователь,
Международная лаборатория
языковой конвергенции,
аспирант
НИУ Высшая школа экономика
Российская Федерация, 105066, г. Москва
Старая Басманная улица, д. 21/4
jh.verhees@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3479-7420

К происхождению эвиденциальности в нахско-дагестанских языках: структурные и ареальные перспективы*

С. Ферхеес

Аннотация: В исследовании рассматривается грамматическое выражение источника информации глагольными формами прошедшего времени, или так называемые прошедшие заглазные, в нахско-дагестанских языках. На этих языках говорят на относительно маленькой территории на востоке Северного Кавказа и частично на Закавказье. Эта территория является частью большого ареала от Балканского полуострова до Средней Азии, включая Кавказ, где встречаются подобные глагольные формы. Считается вероятным, что эти формы в разных языках на этом ареале возникли в результате языкового контакта с тюркскими языками, и для некоторых других языков этого ареала (например, армянского, грузинского), эта гипотеза подтверждается. Для нахско-дагестанских языков этот вопрос раньше не был изучен. Настоящая работа является первой попыткой некоторой предварительной оценки о вероятности гипотезы. В первую очередь обсуждается характеристика этих форм в нахско-дагестанской семье, и их генетическое и ареальное распределение по языкам. Будет показано, что это распределение — нетривиально. Различаются три определенных зоны внутри территории нахско-дагестанских языков: на северо-западе распространены более грамматикализованные формы, для центральной зоны характерны менее грамматикализованные выражения, и на юге региона подобные формы отсутствуют. Хотя на данный момент остается неясным, какой конкретный тюркский язык из данного региона мог служить язык-источником, и невозможно установить точные пути распространения эвиденциальных форм глагола по нахско-дагестанской семье, очерченное в данной статье распределение указывает на то, что языковой контакт играл роль в их распространении.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Введение

Эвиденциальность — грамматическая категория, которая указывает на источник информации говорящего о сообщаемой им ситуации, например: видел ли он ситуацию собственными глазами или слышал про нее с чужих слов[1]. У каждого языка есть свои способы уточнить подобные связи между говорящим и событиями, о которых он рассказывает, например, словами «говорят» или «видимо» в русском языке. Но языки, в которых выражение этих связей является обязательным, относительно редки. По подсчетам А. Айхенвальд, грамматическая категория эвиденциальности встречается примерно в четверти языков мира[2]. Среди языков с грамматическими способами выражения эвиденциальности встречаются системы самой разной сложности: от полной парадигмы специализированных суффиксов для различения зрительного восприятия и незрительного, логического умозаключения и разных видов информации из чужих слов, до одной формы для уточнения того, что говорящий сам не наблюдал ситуацию.

В языке аравакской семьи Тариана, на котором говорят в Бразилии, различают пять видов источников информации. В такой простой фразе, как «Хосэ играл в футбол» обязательно выражается, откуда говорящий знает об этом. Например: *Juse irida dimanika-**ka***, с суффиксом *-ka*, указывает на то, что говорящий сам это видел. Если вместо *-ka* используется суффикс *-mahka*, это обозначает, что он слышал звуки игры, но не видел глазами (т. е. незрительное прямое восприятие). А фраза *Juse irida dimanika-**pidaka*** значит, что говорящий знает о событии с чужих слов. Суффиксы *-nihka* и *-sika* указывают на то, что говорящий делает вывод о том, что действие произошло на основе 1) его собственного знания (*-nihka*, например, когда говорящий знает, что Хосэ всегда в какое-то определенное время играет во футбол); 2) каких-то очевидных последствий (*-sika*, например, говорящий видел грязную футбольную обувь Хосэ в коридоре).

Любопытно, что подобные системы обнаруживаются в определенных ареалах. Один из таких ареалов концентрируется вокруг Черного и Каспийского морей и включает в себя балканские языки (болгарский, македонский), турецкий, персидский, грузинский, западно-армянский и другие[3]. Неудивительно, что и в нахско-дагестанских языках категория хорошо представлена (в 23 из 29 исследованных автором языков). В тех из них, где есть эвиденциальность как глагольная категория, она довольно похожа на то, что мы находим в других языках данного ареала. При этом ее распределение внутри самой семьи показывает любопытный паттерн, который не соответствует генетическому ветвлению семьи (т. е. языки одной и той же группы ведут себя по-разному).

Однако, как будет показано в этой статье, теоретически категория эвиденциальности может возникнуть без посредства языкового контакта, а просто как конвенционализация импликатуры, которая характерна для перфекта. Данное исследование представляет собой первый этап на пути к решению вопроса о про-

[1] *Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. Oxford, 2004. P. 1–3.

[2] Ibid.

[3] См. подробный обзор в: *Plungian V. A.* Types of verbal evidentiality marking: an overview // Linguistic realization of evidentiality in European languages / Ed. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, 2010. P. 15–58.

исхождении этой категории в нахско-дагестанских языках[4]. Первый раздел настоящей статьи содержит общие сведения о нахско-дагестанских языках. Во втором разделе изложены базовые представления о свойствах и происхождении эвиденциальных форм, а в третьем разделе описываются их особенности и распространение именно в нахско-дагестанских языках. В заключении подводятся итоги и перечисляются несколько перспективных тем для дальнейшего исследования.

1. Нахско-дагестанские языки

Нахско-дагестанские языки — самая большая по количеству языков кавказская семья (другие семьи: абхазо-адыгская — четыре языка, и картвельская — тоже четыре языка). По традиционной классификации, представленной на рис. 1, различаются 29 отдельных языков[5]. Среди них девять литературных языков: чеченский, ингушский (на которых говорят в Чеченской и Ингушской

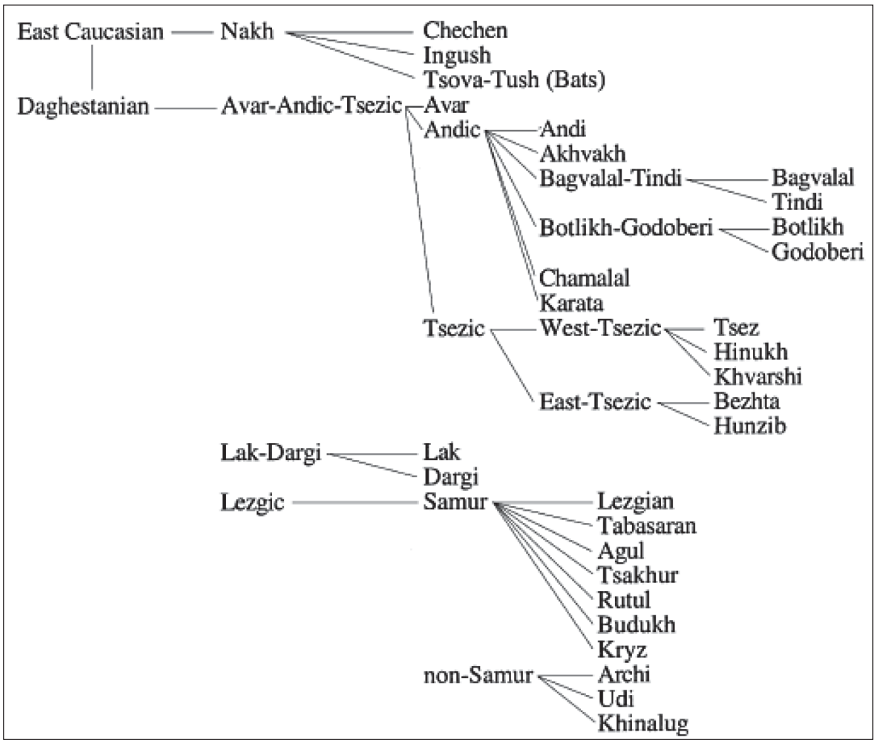

Рис. 1. Традиционная генетическая классификация нахско-дагестанских языков

[4] Помимо форм глагола, которые рассматриваются в данной статье, есть еще другие формы для выражения эвиденциальности в нахско-дагестанских языках (см: *Forker D.* Evidentiality in Nakh-Daghestanian languages // The Oxford Handbook of Evidentiality / Ed. A. Y. Aikhenvald, Oxford, 2018. P. 490–509). Поскольку они представляют собой самостоятельные системы, которые не вступают в парадигматические отношения с формами, рассматриваемыми в настоящей статье, мы их дальше не обсуждаем.

[5] *Berg H., van den.* The East Caucasian language family // Lingua. 2005. № 115. P. 147–190.

республиках), аварский, даргинский, лезгинский, лакский, агульский, табасаранский и рутульский — все литературные и официальные языки республики Дагестан. Таким образом, носители языков нахско-дагестанской семьи проживают уже много веков на относительно маленькой территории на Северном Кавказе, за исключением бацбийского языка, находящегося на севере Грузии, и будухского, крызского, хиналугского и удинского языков, на которых говорят в современном Азербайджане.

Последние годы все больше исследователей выделяют также разные даргинские языки, которые раньше считались диалектами даргинского, поскольку они сильно отличаются друг от друга и взаимопонимание между ними отсутствует. При таком подходе общее количество языков может возрасти до 46[6]. Типологически нахско-дагестанские языки являются агглютинативными с признаками фузии и обладают богатой глагольной морфологией, в которой выражаются категории наклонения, времени, вида, модальности и эвиденциальности.

2. Эвиденциальность в Евразии и в общей языковой типологии

Нахско-дагестанские языки относятся к тем языкам, в которых источником главной эвиденциальной формы послужила результативная конструкция: сочетание нефинитной формы предельного глагола (например, причастие или деепричастие) с копулой, обозначающее состояние в настоящем. В нахско-дагестанских языках эта конструкция состоит чаще всего из перфективного деепричастия и бытийной копулы (аналог слова «есть»). Результативная конструкция во всей семье до сих пор встречается с определенными предельными глаголами («сесть», «уснуть», «лечь»), например:

(1) *keɣ-maʁ* *had saxɨr* *a*
будить-PROH он спать.PFV.CVB AUX.PRS
Не буди его, он спит (=заснувший есть).
[рутульский язык, диалект с. Кина][7]

По сути это простая лексическая конструкция, ограниченная предельными глаголами. Когда она начинает сочетаться с другими глаголами, ее значение меняется. Есть два основных направления развития результативной конструкции: 1) **антериор** («anterior») и 2) **инферентив** («inferential»)[8].

Антериор обозначает действие, совершившееся в прошедшем, которое имеет некоторую релевантность для ситуации в момент речи[9]. Примером языка, в котором есть форма с таким значением, является современный английский — так называемый present perfect (т. е. перфект). Развитие антериора более характерно для языков запада Европы. Это значение возникает при расширении употребления результативной конструкции на непредельные глаголы.

[6] *Коряков Ю. Б.* Атлас кавказских языков. М., 2006. С. 10.
[7] Пример из собственной полевой работы, июль 2016 года.
[8] *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar. Chicago, 1994. P. 54.
[9] Ibid.

Инферентив представляет собой развитие принципиально другого рода: из-за того, что результативная конструкция имеет акцент на некотором очевидном результате действия, возникает импликация, что именно результат был засвидетельствован говорящим, а само действие — нет[10]. Оттуда и ее название инферентив (англ. «inference» — ‘вывод’) — она понимается как форма, которая указывает на то, что говорящий видел только результат действия и на основе этого делает вывод, что действие произошло. В дальнейшем это имплицитное значение может настолько укорениться в этой форме, что становится частью ее семантики. Потом значение формы может обобщиться еще сильнее, и в результате возникает то, что в литературе о данном ареале чаще всего называют индирективом: форма, которая указывает на то, что говорящий не был свидетелем события[11]. Такая форма типично покрывает два основных контекста: вышеупомянутый инферентив, при котором говорящий делает вывод, что некоторое действие или событие произошло, на основе его последствий, и репортатив (или «hearsay») — когда говорящий слышал о событии из чужих слов. Например в багвалинском языке, как описано С. Г. Татевосовым, предложение *Али сии* ***кІвабо екІва***, «Али **убил** медведя», с перфектом можно использовать в следующих ситуациях: 1) говорящий увидел Али, который выделывает свежую тушу медведя, и делает вывод: «Али, *оказывается,* убил медведя» (инферентив); 2) кто-то рассказывал говорящему о событии, и тот рассказывает третьему человеку: «Али, *я слышал*, убил медведя» (репортатив)[12].

Развитие из результатива в инферентив и потом в индиректив — нередкое явление в языках мира[13]. Оно может возникнуть в любом языке, в котором есть результатив. Это подтверждается тем, что оно встречается и вне эвиденциального пояса (например, в шведском языке[14]).Тем не менее многие исследователи уже обратили внимание на поразительную частотность явления именно в ареале распространения нахско-дагестанских языков[15]. Возможно, это совпадение является результатом так называемого pattern borrowing («заимствование паттерна»), при котором функцию некоторой формы из языка-донора заимствует подобная форма из языка-реципиента[16]. Например, перфект в каком-то кавказском языке

---

[10] Такая коннотация также отмечена в: *Nedjalkov V., Jaxontov S.* The typology of resultative constructions // Typology of resultative constructions / Ed. V. Nedjalkov. Amsterdam, 1988. P. 28.

[11] См.: Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages / Ed. L. Johanson, B. Utas. Berlin, 2000. P. 3.

[12] *Tatevosov S. G.* From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P. 448.

[13] Ср.: *Bybee et al.* Op. cit. P. 95–97; *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. Oxford, 1985. P. 129–153.

[14] См.: *Dahl.* Op. cit. P. 152–153.

[15] Это омечено в том числе и в: Типология перфекта / Ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, К. П. Семёнова. Спб., 2016. С. 35; Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Ed. W. Chafe, J. Nichols. New Jersey, 1986. P. X; Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages... P. 4; L’énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l’information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007. P. 15; *Plungian.* Op. cit.

[16] См.: Borrowed morphology / Ed. F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze. Berlin, 2014. P. 3–7.

приобретает значение индиректива по аналогии с перфектом из какого-то тюркского языка, в ситуации языкового контакта.

Часто предполагается, что именно тюркские языки играли важную роль в рассеивании эвиденциальных перфектов по столь большой территории (от Балканского полуострова через Кавказ по Средней Азии). Во-первых, потому, что грамматическая категория эвиденциальности считается легко заимствуемой[17]. Во-вторых, во всех современных тюркских языках этот признак представлен, и он считается довольно древним: подобные формы присутствовали уже в старотюркских источниках VIII–XIII в.[18] Из тюркских языков на нахско-дагестанские языки главным образом влияли кумыкский и ногайский (два языка кыпчакской группы тюркской семьи) на северо-западе и азербайджанский язык (огузская группа) на юге. Кумыкский и азербайджанский в соответствующих зонах влияния использовались как лингва франка[19]. Тем самым, эвиденциальность в нахско-дагестанских языках может быть результатом влияния тюркских языков.

С другой стороны, источник эвиденциальности в этой языковой семье необязательно должен быть внешним — она могла возникнуть естественным образом в одном из нахско-дагестанских языков (или даже нескольких) и вследствие языкового контакта распространяться по ареалу. Для решения вопроса о возможности или вероятности тюркского происхождения эвиденциальности в нахско-дагестанских языках не хватает более детальной информации о том, насколько широко было распространено знание разных тюркских и местных языков помимо родного и в каких конкретно селах владели каким языком. В следующем разделе рассматриваются характеристики эвиденциальных перфектов среди нахско-дагестанских языков и также их географическое распределение по территории.

3. Характеристика и распространение нахско-дагестанских индирективов

Как было сказано выше, нахско-дагестанские индирективы, или перфектные формы глагола, которые используются для обозначения незасвидетельствованных событий, восходят к результативным конструкциям от перфективного деепричастия и бытийной копулы («есть»). Во многих языках эта структура сохранилась, но в некоторых языках копула утрачена. Ее существование в прошлом тем не менее несложно постулировать: в языках, в которых индиректив больше не является аналитической формой, он формально совпадает с каким-то деепричастием, от которого отличается своим употреблением в роли вершины финитной клаузы и значением незасвидетельствованности. При этом копула часто сохраняется в аналогичных формах в близкородственных языках или в других диалектах того же языка.

[17] Согласно *Aikhenvald*. Evidentiality. P. 302. Там же описано несколько ареалов, в которых встречаются похожие типы эвиденциальности.

[18] *Erdal M.* A grammar of Old Turkic. Leiden, 2004. P. 273.

[19] *Chirikba V. A.* The problem of the Caucasian Sprachbund // From linguistic areas to areal linguistics / Ed. P. Muysken. Amsterdam, 2008. P. 25–93.

Индиративы противопоставлены простому прошедшему времени (в литературе оно обычно называется претеритом или аористом). Во многих языках простое прошедшее время является нейтральным в плане эвиденциальности. Иногда оно может вызывать импликацию, что говорящий сам наблюдал ситуацию, но чаще всего его употребление воспринимается как нейтральное в плане эвиденциальности. Есть несколько языков, для которых в литературе отмечается, что простое прошедшее выражает именно то, что говорящий был свидетелем (дальше директив), однако по поводу того, является ли это основным значением этой формы, мнения экспертов расходятся (эта тема обсуждается подробнее дальше, при описании ареального распространения эвиденциальности).

Противопоставление косвенной засвидетельствованности и нейтральных форм может распространяться на всю парадигму, как, например, в багвалинском языке, в котором аналитические формы прошедшего времени делятся на формы со вспомогательным глаголом в претерите и в перфекте и отличаются типом эвиденциальности (соответствующие наборы форм принято называть «сериями», претериальными и перфектными соответственно)[20].

Таблица 1

Часть претериальных и перфектных «серий» в багвалинском языке

hec'i 'вставать'	претерит (нейтральный)	перфект (индиректив)
	hec'i	hec'i=b=o ek'ʷa
плюсквамперфект	hec'i=b=o b=uk'a	hec'i=b=o b=uk'a=b=o ek'ʷa
имперфект	hec'iraaX b=uk'a	hec'iraaX b=uk'a=b=o ek'ʷa

Формы со вспомогательным глаголом в претерите (*b=uk'a*) образуют нейтральные прошедшие времена, тогда как формы с перфектным вспомогательным глаголом (*b=uk'a=b=o ek'ʷa*) образуют индиративы. Для многих языков употребление аналитических форм не описано так подробно, как для багвалинского. Из-за этого сложно установить, в каких еще языках имеется такая «сериальная система».

Индиректив часто используется для традиционных повествований и сказок, поскольку такие события скорее не засвидетельствованы рассказчиком. Даргинские народные рассказы, записанные Хельмой ван дер Берг, например, рассказаны все в индирективе[21]. Во многих языках индиративы ассоциируются также с неуверенностью со стороны говорящего — выбор индиректива указывает на то, что у него источник информации не только вторичный, но и не очень достоверный. Оттенок неуверенности у индиректива описан, например, для тюркских языков[22]. Среди нахско-дагестанских языков это явление зафиксиро-

[20] *Майсак Т. А., Татевосов С. Г.* Эвиденциальность // Багвалинский язык / Ред. А. Е. Кибрик. М., 2001. С. 294.

[21] *Berg H., van der.* Dargi Folktales. Oral stories from the Caucasus. With an introduction to Dargi grammar. Leiden, 2001. P. 43.

[22] *Johanson L.* Turkic indirectivity // The Oxford Handbook of Evidentiality / Ed. A. Y. Aikhenvald. Oxford, 2018. P. 510–524.

вано только для лакского языка[23], тогда как для багвалинского языка отмечено, что оттенок недостоверности не возникает при употреблении перфекта[24]. Для остальных языков присутствие или отсутствие такой коннотации не отмечено. Хотя такая ассоциация во многих языках возникает как импликатура контекста, отождествление посредственной и недостоверной информации далеко не универсальное[25].

Итак, эвиденциальные системы нахско-дагестанских языков можно разделить на три типа. Первый — языки с индиративом («indirective»), второй — языки с индиративом и директивом, и третий — языки, в которых не выражается эвиденциальность глагольными формами времени. Для того чтобы увидеть наличие или отсутствие ареальных тенденций в распределении этих трех систем, автором была создана карта (рис. 2) с помощью программы Lingtypology в R[26]. Интерактивная версия находится по ссылке: https://sverhees.github.io/maps/maps_v42.html. Там можно нажать на язык, чтобы посмотреть название языка, генетическую группу, к которой он относится, используемый источник и в некоторых случаях дополнительные комментарии. Полный список литературы для карты также находится по ссылке. На карте языки, в которых присутству-

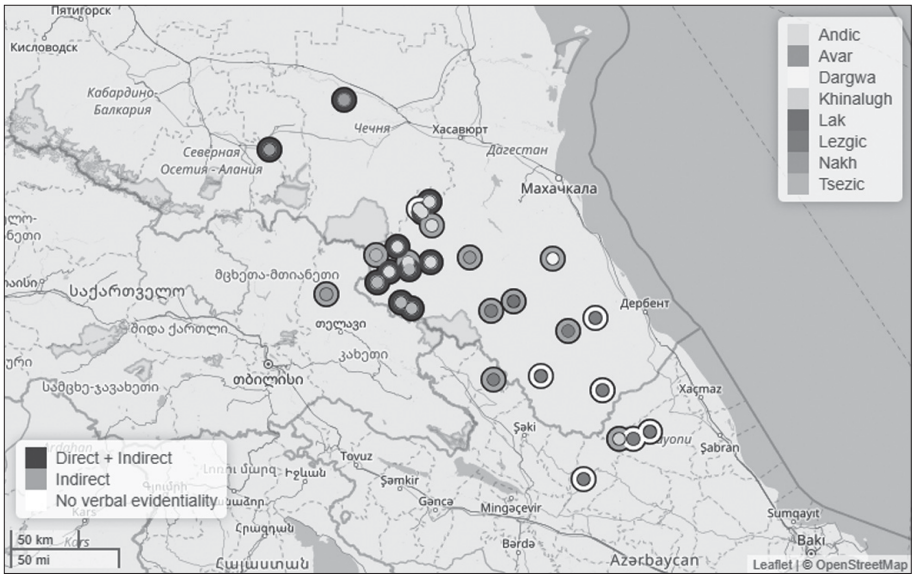

Рис. 2. Распределение эвиденциальных значений в глагольной парадигме нахско-дагестанских языков

[23] *Friedman V. A.* The expression of speaker subjectivity in Lak (Daghestan) // L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007. P. 351–376.

[24] *Майсак, Татевосов.* Указ. соч. С. 300.

[25] *Plungian V. A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P. 354.

[26] *Moroz G. A.* Lingtypology: easy mapping for linguistic typology. URL: https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology (дата обращения: 05.09.2018).

ет маркирование индиректива и директива, указаны темно-серым, языки, где только индиректив, — светло-серым, и языки, в которых отсутствует признак, — белым. Легенда справа показывает принадлежность к определенной группе внутри семьи.

Стоит сначала отметить что на данной карте представлены только те языки, которые выделяются по традиционной классификации (см. рис. 1). Вероятно, картина была бы более сложной и многогранной при включении разных даргинских и аварских идиом. Тем не менее карта показывает любопытное ареальное распределение по трем зонам: южная зона, где признак почти совсем отсутствует; западная зона, в которой находятся более развитые системы с индирективом и директивом и центральная зона, где распространен только индиректив.

Отсутствие индирективов на юге у лезгинских языков сразу бросается в глаза. В южном регионе обнаружены индирективные перфекты только в изолированном хиналугском (хотя в хиналугском это значение чувствуется слабо)[27], в цахурском и в агульском языках. Цахурский — особенный случай. Кандидат на индиректив в цахурском языке структурно отличается от перфектов в других языках уникальной формой копулы, и по значению эта форма не чисто эвиденциальная — она имеет в том числе и значение неожиданности действия[28]. В агульском категория была обнаружена относительно недавно[29], но в других южных лезгинских языках признак действительно отсутствует[30]. Из лезгинской группы признак присутствует еще в арчинском языке. Арчинский географически обособлен от других языков лезгинской группы; на нем говорят в центральной зоне Дагестана. Про арчинский язык известно, что он находился под сильным влиянием аварского и лакского языков[31], что могло быть причиной того, что именно в арчинском индиректив присутствует. В других лезгинских языках формы, подобные индирективу, существуют, но они развивались по иному пути и выражают не индиректив, а результативность или антериор.

На западе Дагестана представлены более развитые системы эвиденциальности среди нахских, андийских и цезских языков. Система в багвалинском языке андийской группы, которая была представлена выше, более похожа на аварскую систему; она состоит из заглазной и нейтральной серий. Стоит отметить, что наличие полноценного директива до сих пор является спорным. Относительно цезских языков утверждают, что имеется оппозиция индиректива и директива, но Forker не поддерживает такой анализ для гинухского языка (который принадлежит к цезским языкам) и она ставит под вопрос наличие директива во всех

[27] *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.,1972. С. 178.

[28] *Maisak T. A., Tatevosov S. G.* Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur // L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007. P. 377–406.

[29] *Майсак Т. А., Мердавнова С. Р.* Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение. 2002. № 1. С. 102–112.

[30] *Maisak T. A.* Structural and functional variations of the perfect in Lezgic languages // The Perfect Volume / Ed. K.M. Eide, M. Fryd. Amsterdam, 2018.

[31] *Добрушина Н. Р.* Многоязычие в Дагестане конца XIX — начала XXI века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.

дагестанских языках, включая чеченский и ингушский[32]. Тем не менее в специализированной литературе о чеченском и ингушском языках прямая засвидетельствованность отмечена как главная функция некоторых форм прошедшего времени[33]. Для андийских языков, в которых, возможно, есть директив, отсутствуют подробные описания форм прошедшего времени, поэтому невозможно оценить их статус по сравнению с другими языками.

В центральной зоне представлены индирективные системы. Эта зона соединяет разные ветви семьи: часть аваро-андийской, даргинской, лакской и лезгинской ветвей. В этих языках индиректив противопоставлен нейтральной форме.

Заключение

Важным результатом исследования является обнаруженное ареальное распределение эвиденциальности в глагольной парадигме нахско-дагестанских языков. На основе этого распределения можно предположить, что языковой контакт действительно повлиял на развитие эвиденциальности. Глобально территория этих языков делится на три зоны: запад с более сложными системами с индирективом и директивом; центральная зона с общими индирективными системами; и юг, где эвиденциальность почти отсутствует. Однако из-за нехватки данных о том, какими языками владели жители исследуемого ареала, кроме родного, пути распространения индирективного значения у перфекта на данном этапе нельзя установить. Показательным кажется случай агульского языка: хотя про арчинский язык мы знаем, что он находился в языковом контакте с аварским и лакским языками, агульский, насколько нам известно, так же как другие лезгинские языки, оказался под влиянием азербайджанского языка. Тем не менее среди этих языков находятся эвиденциальные перфекты только в агульском языке, тогда как во всех других они отсутствуют (как отмечено выше, перфект в цахурском языке не совсем эвиденциальный).

Принципиальным можно считать наличие директива на западе ареала. Во-первых, директивы в ареале, к которому принадлежат нахско-дагестанские языки, довольно редки[34], и в тюркских языках они отсутствуют[35]. Не хватает данных о семантике глагольных форм во многих андийских языках (например, андийский, чамалинский, ботлихский). Из-за этого обстоятельства на данный момент нельзя подтвердить наличие директива как главной функции некоторых форм. Хотя для цезских языков материала больше, специалисты имеют разные мнения о статусе директива в этих языках.

Выше очерченную картину нужно дополнить сравнительными исследованиями употребления эвиденциальных форм в этих языках, данными из разных диалектов и сведениями о языковом контакте в определенных населенных пунктах. Это позволило бы установить, в каких языках играл роль контакт, а в каких

[32] Ср.: *Khalilova Z.* Evidentiality in Tsezic languages // Linguistic Discovery. 2011. Vol. 9. № 2. P. 30–48; *Forker.* Op. cit. P. 490–509.

[33] См.: *Molochieva Z.* Tense, aspect and mood in Chechen. Dissertation. Leipzig, 2010; *Nichols J.* Ingush grammar. Berkley, 2011. P. 249.

[34] *Aikhenvald.* Op. cit. P. 288–290; 179–281.

[35] *Johanson.* Op. cit. P. 510–524.

признак должен был возникнуть самостоятельно. Таким образом, загадка распространения эвиденциальных перфектов в эвиденциальном поясе была бы разгадана отчасти.

Ключевые слова: эвиденциальность, нахско-дагестанские языки, языковой контакт, морфология, тюркские языки, глагольная морфология, грамматикализация, кавказские языки, перфект, ареальная типология.

Сокращения

AUX — auxiliary (вспомогательный глагол)
CVB — converb (деепричастие)
PFV — perfective (перфектив / совершенный вид)
PROH — prohibitive (прохибитив)
PRS — present (настоящее время)

Список литературы

Добрушина Н. Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX — начала XXI в.: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.,1972.

Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М., 2006.

Майсак Т. А., Мердавнова С. Р. Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение. 2002. № 1. С. 102–112.

Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Эвиденциальность // Багвалинский язык / Ред. А. Е. Кибрик. М., 2001. С. 293–317.

Типология перфекта / Ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, К. П. Семёнова. СПб., 2016.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford, 2004.

Berg H., van den. Dargi Folktales. Oral stories from the Caucasus. With an introduction to Dargi grammar. Leiden, 2001.

Berg H., van der. The East Caucasian language family // Lingua. 2005. № 115. P. 147–190.

Borrowed morphology / Ed. F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze. Berlin, 2014.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar. Chicago, 1994.

Chirikba V. A. The problem of the Caucasian Sprachbund // From linguistic areas to areal linguistics / Ed. P. Muysken. Amsterdam, 2008. P. 25–93.

Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden, 2004.

Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Ed. W. Chafe, J. Nichols. New Jersey, 1986.

Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages / Ed. L. Johanson, B. Utas. Berlin, 2000.

Forker D. Evidentiality in Nakh-Daghestanian languages // The Oxford Handbook of Evidentiality / Ed. A. Y. Aikhenvald. Oxford, 2018. P. 490–509.

Friedman V. A. The expression of speaker subjectivity in Lak (Daghestan) // L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007. P. 351–376.

Johanson L. Turkic indirectivity // The Oxford Handbook of Evidentiality / Ed. A. Y. Aikhenvald. Oxford, 2018. P. 510–524.

Khalilova Z. Evidentiality in Tsezic languages // Linguistic Discovery. 2011. Vol. 9. № 2. P. 30–48.
L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007.
Maisak T. A. Structural and functional variations of the perfect in Lezgic languages // The Perfect Volume / Ed. K. M. Eide, M. Fryd. Amsterdam, 2018.
Maisak T. A., Tatevosov S.G. Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur // L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes / Ed. Z. Guentchéva, J. Landabaru. Louvain; Paris, 2007. P. 377–406.
Molochieva Z. Tense, aspect and mood in Chechen. Dissertation. Leipzig, 2010.
Moroz G.A. Lingtypology: easy mapping for linguistic typology. URL: https: // CRAN.R-project.org/package=lingtypology (дата обращения: 05.09.2018).
Nedjalkov V., Jaxontov S. The typology of resultative constructions // Typology of resultative constructions / Ed. V. Nedjalkov. Amsterdam, 1988. P. 3–62.
Nichols J. Ingush grammar. Berkley, 2011.
Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P. 349–357.
Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: an overview // Linguistic realization of evidentiality in European languages / Ed. G. Diewald, E. Smirnova. Berlin, 2010. P. 15–58.
Tatevosov S. G. 2001. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P. 443–464.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriia III: Filologiia.
2018. Vol. 57. P. 110–123
DOI: 10.15382/sturIII201857.110-123

Samira Verhees,
Graduate Student,
Linguistic Convergence Laboratory,
National Research University
Higher School of Economics
21/4 Staraia Basmannaya, 105066,
Moscow, Russian Federation
jh.verhees@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3479-7420

Towards the Origin of Evidentiality in Nakh-Daghestanian Languages: Structural and Areal Perspectives

S. Verhees

Abstract: This article deals with the grammatical expression of the source of information by means of past tense forms of the verb (so-called "past unwitnessed" forms) in the East Caucasian (Nakh-Dagestanian) languages. These languages are spoken in a relatively small territory in the Northeast Caucasus and partly in Transcaucasia. It is part of a larger area ranging from the Balkans to Central Asia (including the Caucasus), where similar verb forms are found. It is considered probable that these forms arose among different languages spoken in this area as a result of language contact with

Turkic languages. For some languages of this area (e.g. Armenian and Georgian), this hypothesis has been confirmed. For the East Caucasian languages, this question has not been studied yet. This article is the first attempt to make preliminary assessment of the probability of this hypothesis. First of all, the formal characteristics of these forms in the East Caucasian languages are discussed, as well as their genetic and areal distribution among the languages of the family. It is claimed that this distribution is not trivial. Three distinct zones can be distinguished in the East Caucasian area: more grammaticalised forms are common in the northwest, less grammaticalised expressions are characteristic of the central zone, while they are almost absent in the southern part of the region. It remains unclear which specific Turkic language from this region could have acted as a source language, and it is not possible at this point to establish the exact ways in which the feature in question was spread through the East Caucasian family. The specific distribution outlined in this paper does, however, indicate that Turkic languages have played a role in the distribution of this feature.

Keywords: evidentiality, Nakh-Daghestanian languages, East Caucasian languages, language contact, morphology, Turkic languages, verbal morphology, grammaticalisation, Caucasian languages, perfect, areal typology.

References

Aikhenvald A. (2004) *Evidentiality.* Oxford.

van den Berg H. (2001) *Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus, with an Introduction to Dargi Grammar*. Leiden.

van den Berg H. (2005) "The East Caucasian Language Family". *Lingua*, 115, pp. 147–190.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. (1994) *The Evolution of Grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago.

Chafe W., Nichols J. (eds.) (1986) *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology.* New Jersey.

Chirikba V. (2008) "The problem of the Caucasian Sprachbund", in P. Muysken (ed.) *From Linguistic Areas to Areal Linguistics*. Amsterdam. Pp. 25–93.

Dahl Ö. (1985) *Tense and aspect systems*. Oxford.

Dobrushina N. R. (2011) "Mnogoiazychie v Dagestane kontsa XIX — nachala XXI v.: popytka kolichestvennoi otsenki" ["Multilingualism in Daghestan of the Late 19th — Early 21st Centuries: an Attempt at a Quantitative Evaluation"]. *Voprosy iazykoznaniia*, 2011, 4, pp. 61–80 (in Russian).

Erdal M. (2004) *A Grammar of Old Turkic*. Leiden.

Forker D. (2018) "Evidentiality in Nakh-Daghestanian Languages", in A. Y. Aikhenvald (ed.) *The Oxford Handbook of Evidentiality.* Oxford. Pp. 490–509.

Friedman V. (2007) "The Expression of Speaker Subjectivity in Lak (Daghestan)", in Z. Guentchéva, J. Landabaru (eds.) *L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes.* Louvain; Paris. Pp. 351–376.

Gardani F., Arkadiev P., Amiridze N. (eds.) (2014) *Borrowed Morphology.* Berlin.

Guentchéva Z., Landabaru J. (eds.) (2007) *L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes.* Louvain; Paris.

Johanson L., Utas B. (eds.) (2000) *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighboring Languages.* Berlin; New-York.

Johanson L. (2018) "Turkic Indirectivity", in A. Aikhenvald (ed.) *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford. Pp. 510–524.

Khalilova Z. (2011) "Evidentiality in Tsezic Languages". *Linguistic Discovery*, 9/2, pp. 30–48.

Kibrik A., Kodzasov S., Olovjannikova I. (1972) *Fragmenty Grammatiki Khinalugskogo iazyka [Fragments of Khinalug Grammar]. Moscow (in Russian)*.

Koryakov Y. (2006) Atlas kavkazskikh Iazykov [Atlas of Caucasian Languages]. Moscow (in Russian).

Maisak T. (2018) "Structural and Functional Variations of the Perfect in Lezgic Languages", in K. Eide, M. Fryd (eds.) The Perfect Volume. Amsterdam.

Maisak T., Merdanova S. (2002) "Kategoriia evidentsial'nosti v agul'skom iazyke" ["Category of Evidentiality in Agul"]. *Kavkazovedenie*, 2002, 1, pp. 102–112 *(in Russian)*.

Maisak T., Tatevosov S. (2001) "Evidentsial'nost'" ["Evidentiality"], in A. Kibrik (ed.) *Bagvalinskii iazyk. Grammatika. Teksty. Slovari* [The Bagvalal Language. Grammar. Texts. Glossaries]. Moscow. Pp. 293–317 *(in Russian)*.

Maisak T., Tatevosov S. (2007) "Beyond Evidentiality and Mirativity: Evidence from Tsakhur", in Z. Guentchéva, J. Landabaru (eds.) *L'énonciation médiatisée II. Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Louvain; Paris. Pp. 377–406.

Maisak T., Plungian V., Semenova K. (eds.) (2016) *Tipologiia perfekta* [Typology of the Perfect]. St Petersburg (in Russian).

Molochieva Z. (2010) *Tense, Aspect and Mood in Chechen*. Leipzig.

Moroz G. *Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology,* available at https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology (16.11.2018).

Nedjalkov V., Jakhontov S. (1988) "The Typology of Resultative Constructions", in V. Nedjalkov (ed.) *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam. Pp. 3–62.

Nichols J. (2011) *Ingush Grammar.* Berkley.

Plungian V. (2001) "The Place of Evidentiality within the Universal Grammatical Space". *Journal of Pragmatics*, 2001, 33, pp. 349–357.

Plungian V. (2010) "Types of Verbal Evidentiality Marking: an Overview", in G. Diewald, E. Smirnova (eds.) *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*, Berlin. Pp. 15–58.

Tatevosov S. (2001) "From Resultatives to Evidentials: Multiple Uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages". *Journal of Pragmatics*, 2001, 33, pp. 443–464.